

Бобров М.С., студ. гр. 404 БГУКИ

Науч. рук. – Воронович И.Н.,

кандидат культурологии

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА В КОНЦЕПЦИИ Э.В. САИДА

Существует два полюса, два образа мышления, две культуры – Восток и Запад. С одной стороны цивилизации Востока, стремящиеся к сохранению традиций, устойчивого социального порядка, сложившихся религиозных и моральных стандартов поведения. С другой – антитрадиционная технократическая цивилизация – цивилизация современного Запада. Данное противопоставление вызывает непрекращающиеся споры: какой путь развития лучше, какой тип мышления является более правильным, будущее – за Востоком или Западом?

Проблема взаимодействия Востока и Запада по-прежнему является актуальной в трудах ученых, культурологов, философов всего мира. Данная проблема стала ключевой в исследованиях выдающегося американского мыслителя современности, арабского происхождения, Эдварда Вади Саида. В своей книге «Ориентализм», опубликованной в Нью-Йорке в 1978 году, он раскрывает концепцию ориентализма, представляющую западный подход к исследованию Востока.

К этапу становления ориентализма относится период конца XVII – начала XVIII века. Восток при этом в большой степени связывался именно с географическим положением. В самостоятельную же научную дисциплину ориентализм выделился в XVIII – XIX веках. Особенность его заключалась в том, что Восток определялся не в географическом, а в геосоциокультурном смысле. Этот период совпал с поворотным периодом в процессе углубления знаний европейцев о мире, связанных с активной колониальной экспансией и обширными территориальными приобретениями.

В результате возникла так называемая «теория колониального дискурса», утверждающая, что любое знание относительно, поскольку на формирование этого знания влияют как лингвистические формы и культурные представления, так и политические цели тех, кто это представление создает.

Ориентализм Э.В. Саида стал важнейшим этапом в становлении этой парадигмы. Автор представлял ориентализм как сложную и многоуровневую «систему репрезентаций Востока со стороны Запада, включающую в себя представление о сути восточного человека» [10, с. 89].

Саид показывает, что европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному «Я». Ученый делает акцент на различном понимании ориентализма у европейцев и у американцев: у американцев Восток прежде всего ассоциируется с Дальним Востоком (преимущественно с Китаем и Японией). В отличие от американцев французы и англичане – в меньшей степени немцы, русские, испанцы, португальцы, итальянцы и швейцарцы – имеют давнюю традицию того, что называют ориентализмом – определенный способ общения с Востоком, основанным на особом месте Востока в опыте Западной Европы. Восток – это не только сосед Европы, но еще и место расположения ее самых больших, самых богатых и самых старых колоний, это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого. Кроме того, Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт. Однако, ничто в таком Востоке не является сугубо воображаемым. Восток – это неотъемлемая часть европейской материальной цивилизации и культуры.

Сам термин «ориентализм» достаточно полисемантичен. Э.В. Саид выделяет три его значения. Первое – научное: «Каждый, кто читает лекции о Востоке, пишет о нем, или исследует его, является ориенталистом, а то, что он или она делает, есть ориентализм» [21, с. 290].

Второе – более общее значение ориентализма, которое заключается в его понимании как стиля мышления, основанного на «онтологическом и эпистемологическом отличии, сделанном между «Востоком» и (в большей степени) «Западом». Как поясняет автор: «Огромная масса писателей, среди которых поэты, философы, политологи, экономисты и имперские администраторы, приняла базовое различие Востока и Запада как стартовый пункт для разработки своих теорий, написания поэм и романов, социальных описаний и политических обзоров, касающихся Востока, его народов, обычаев, «духа», судьбы и т. д.» [21, с. 311]. Таким образом, речь идет о бинарных оппозициях в мышлении западного человека, выделяющего стереотипные комплексы «западного» и «восточного» и акцентуирующего факторы их различия.

Наконец, в третьем значении ориентализм предстает как «корпоративный институт, имеющий дело с Востоком посредством заявлений о его сущности, формирования взглядов на него, обучения ему, заселения его, осуществления господства над ним. В данном понимании ориентализм формируется к концу XVIII века. Автор использует понятие М. Фуко «дискурс» для идентификации ориентализма, так как «...без исследования ориентализма как дискурса невозможно понять чрезвычайно систематический порядок, посредством которого европейская культура была способна управлять Востоком и даже создавать его в политическом, социологическом, военном, идеологическом, научном и воображаемом планах в период после эпохи Просвещения. Более того, так как ориентализм был столь авторитетен, то я верю, что ни один пишущий о Востоке, думающий о нем или работающий там не мог не оказаться в рамках ограничений, накладываемых ориентализмом на мысли и действия. Вкратце: из-за существования ориентализма Восток не стал свободным субъектом мысли или действия и до сих пор не является им» [21, с. 326].

Таким образом, ориентализм в концепции Э.В. Саида предстает как особое дискурсивное поле, систематическая практика суждений о Востоке,

описывания и объяснения его в целом, как система знаний о Востоке, репрезентаций «Другого» [19, с. 43].

Лейтмотивом труда Э. В. Саида «Ориентализм» является тезис утверждающий, что понятие «Восток» (Ориент) было преднамеренно придумано в Европе с целью самоидентификации.

Выражаясь иначе, средневековой Европе был нужен некий «инаковый чужой». Как правило, «чужой» не бывает хорошим, он либо «кроважидный сарацин, мавр», либо «захватчик турок-янычар», либо сметающий все на своем пути «татарин» [21, с. 457]. Хотя все эти «чужаки» и были выше как в духовном, так и в материальном плане, нежели средневековая Европа, европейцы этих самых «чужаков» отождествили со всеми отрицательными качествами.

Шаблоны и клише «ориентализма» имеют множество форм, но всех их условно можно подразделить на следующие две категории с выраженным «гендерным» характером: «ксенофобские» (негативно-пугающие) и «ксенофилические» (притягательные). Если «ксенофобские» формы преподнесения «инаковости» Востока опираются на пугающие, отталкивающие характеристики «чужого», то «ксенофилические» формы преподнесения «инаковости» Востока берут за основу «экзотические», «притягивающие» характеристики «чужого». «Ксенофобские» шаблоны (т.е. ксенофобские «ориенталистские» представления), например априорные утверждения как «восточный деспотизм», «фундаментализм», «ислам-религия меча», приунижают, и в конечном счете, демонизируют восточного мужчину. «Ксенофилические ориенталистские» шаблоны, например мифы о «гаремах», «восточных красавицах», «восточных женщинах закабаленных их деспотичными восточными мужьями», сенсуализируют, пассивизируют и окружают ореолом таинственности и притягательности восточную женщину [10, с. 142].

Можно сделать следующий вывод: под ориентализмом подразумевается не наука «востоковедение», а стиль идеологизированного

мышления (которая в определенной степени была спроецирована на науку востоковедение) и форма интеллектуального доминирования, реструктурирования и осуществления власти над так называемым «Востоком», обоснованный «бытийным (онтологическим) и эпистемологическим отличием сделанным между Востоком и Западом, в котором Восток, как правило, предстает как зеркальное отражение положительного Запада».

Саид подчеркивает, что Восток не является случайным фактом природы. Он не просто существует, так же как существует сам Запад. Ученый приводит в качестве примера высказывание Вико о том, что люди творят свою историю сами, и то, что они могут познать, зависит от того, что они могут сделать, – и распространить его на географию, поскольку и географические, и культурные сущности – такие, как отдельные местоположения, регионы, географические сектора, как «Запад» и «Восток» – рукотворны. А потому так же, как и сам Запад, Восток – это идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на Западе и для Запада. Таким образом, эти две географические сущности поддерживают и до определенной степени отражают друг друга [21, с. 12].

В «Ориентализме» Э.В. Саид призывает по-новому взглянуть на разделения и конфликты, из поколения в поколение порождавшие враждебность, войны и имперский контроль. И действительно, одним из самых интересных результатов постколониальных исследований было новое прочтение канонических культурных текстов не с целью принизить или очернить их, но с тем, чтобы заново исследовать их основные предпосылки, преодолевая узкие рамки бинарной оппозиции «правитель—раб». Оглядываясь назад с расстояния этих наполненных событиями пятнадцати лет и принимая во внимание новые серьезные попытки интерпретаций и научных исследований, направленных на то, чтобы освободить мысль и человеческие отношения от оков империализма, понимаешь, что у

«Ориентализма» есть по крайней мере, одно достоинство: он открыто вступил в борьбу, которая, разумеется, продолжается совместно и на «Западе», и на «Востоке».

1. Васильев, Л.С. История Востока / Л.С. Васильев. – Москва : Изд-во МГУ, 2002. – 736 с.
2. Введение в востоковедение: общий курс / под редакцией: Е.И. Зеленева, В.Б. Касевича. – Санкт-Петербург : КАРО, 2011. – 584 с.
3. Взаимодействие культур Востока и Запада. Выпуск 2. – Москва : Наука, 1991. – 168 с.
4. Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации / под редакцией Л.Б. Алаева. – Москва : Наука, 1988. – 291 с.
5. Востоковедение. Вып. 15. Филологические исследования. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1989. – 196 с.
6. Галаганова, С.В. Культурные традиции и типы духовности Востока и Запада / С.В. Галаганова // Запад и Восток. Традиции и современность: учебное пособие для негуманитарных специальностей / С.Г. Галанова [и др.]. – Москва : [б. и.], 1993. – С. 73. – (История и теория культуры).
7. Зарубежный Восток. История и современность: сборник научных трудов / МГИМО МИД СССР. Совет молодых ученых; под редакцией А.В. Меликсетова. – Москва, 1988. – 147 с.
8. Звягельская И.Д. «Конфликтная политика» США на Ближнем и Среднем Востоке (середина 70-х – вторая половина 80-х гг.) / И.Д. Звягельская; СССР. Институт востоковедения. – Москва : Наука, 1990. – 189 с.
9. Каган, М.С. Проблема «Запад – Восток» в культурологии: взаимодействие художественных культур. – Москва: Наука, 1994. – 158 с.
10. Кошелева, Н.В. «Ориентализм» Эдварда Саида / Н.В. Кошелева // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы

международной научной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В.Н. Сидорцов [и др.]. – Минск : БГУ, 2004. – С. 78–80.

11. Никитин, М.Д. «Ориентализм» Э. Саида, теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы / М.Д. Никитин. – Москва, 2004. – С. 3.

12. Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э.В. Саид; пер. с англ. А.В. Говорунова. – Санкт-Петербург: Русский Мирь, 2006. – 640 с.

13. Сотов, А.А. «Ориентализм» : постколониальная критика Эдварда Саида / А.А.Сотов. – Санкт-Петербург : Центр изучения современного Ближнего Востока, 2006. – 23 с.

14. Тесля, А.А. «Ориентализм» Э.В. Сайда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.hrono.ru/statii/2011/teslaorient.php>. – Дата доступа : 12.03.2014.

15. Шаститко, П.М. Верность традициям. Симптомы кризиса отечественного востоковедения / П. М. Шаститко // Восток. — 2005. — № 6. – С. 119 – 131.